ИХ ВОСПИТАЛ КОМСОМОЛ

ОГИЗ
КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

Павел Васильевич Кирьяков — крановщик завода «Серп и молот».

Виктор Васильевич Ординарцев — слесарь электрического цеха завода «Серп и молот».

Николай Семенович Каган — техник завода «Серп и молот».

Иван Александрович Маленков — рабочий завода «Москабель».

Александра Васильевна Луковина-Грибкова — студентка художественного училища имени Калинина.

Евгения Яковлевна Полтавская — студентка художественного училища имени Калинина.

Биографии этих патриотов обычны. Всех их вырастила родина-мать. Изо дня в день воспитывали они в себе качества советского человека, простого и мужественного в своем героизме, — презрение к смерти, храбрость и отвагу, беспредельную любовь к родине и преданность партии Ленина — Сталина.

Константин Пахомов пришел на завод в 1931 году и начал работать электромонтером. Упорный в достижении поставленной цели, он окончил заводской техникум, стал конструктором. На заводе Константина знали многие — его можно было встретить у мартеновских печей, прокатных станов, он работал в заводском спортивном обществе «Металлург», в редколлегии заводской газеты «Мартеновка». Его видели в аудиториях заводского института — он продолжал учиться. Вся жизнь тов. Пахомова принадлежала заводу, коллективу.

Павел Кирьяков — один из инициаторов стахановского движения на заводе. Его завалочная машина не знала ни простоев, ни аварий. Павел принимал активное участие в работе комсомольской и профсоюзной организаций. Он всегда находил время для военной подготовки и завоевал славу отличного стрелка.

Шура Луковина-Грибкова — энергичная и трудолюбивая комсомолка. Скромная и общительная, она относилась к любому комсомольскому заданию — будь оно самое малое — любовно и внимательно. Началась война, она проводила брата в Красную Армию, а сама пошла работать на фабрику.

— До войны можно было учиться, — говорила Шура подругам, — а сейчас этого мало: надо учиться и работать. Немцев прогоним — отдохнем.

В биографиях Виктора Ординарцева, Николая Галочкина, Ивана Маленкова, Николая Кагана, Жени Полтавской можно отыскать десятки черт, эпизодов, этапов, которые встретишь у любого молодого человека нашей родины.

Восемь комсомольцев до войны жили мирной жизнью — работали, учились. Началась война, и каждый из них в первый же день сказал себе: мое место в бою. Среди сотен тысяч заявлений с лаконической фразой «Прошу послать в действующую армию» были и заявления Ординарцева, Маленкова, Полтавской, всех восьми.

Июльские дни прошлого года. Яростные попытки налетов на Москву. Во время одной из

бомбежек по соседству с квартирой Пахомова враг сбросил фугасную бомбу. Запылал барак. Крепкий, плечистый человек первым бросился на помощь соседям. На нем загорелась одежда, ему обожгло руки, лицо, контузило, но он продолжал свое дело. Это был Пахомов.

Оборонительный рубеж под Смоленском. Изнурительный зной сменяется проливными дождями. Тысячи людей работают, не покладая рук. В одной из групп молодежи — хрупкая девушка. Мужским движением, широко расставив ноги, она ровно, без устали выбрасывает лопату за лопатой тяжелого грунта. Это — Полтавская.

Просторная площадка с макетом танка посередине. На краю группа бойцов. Идет занятие группы истребителей танков. Среди обучающихся — Кирьяков.

Заседание комитета комсомола. На повестке: прием в члены ВЛКСМ.

— По-моему, это не вопрос — почему я иду в комсомол, — говорит юноша, одетый в спортивную майку. — Ведь фашистов все равно мне придется бить, не сегодня, так завтра. А я хочу итти на фронт только комсомольцем.

Это — Ординарцев.

Октябрь — ноябрь 1941 года. Над Москвой нависла тяжелая угроза. И именно в этот момент восемь кровных братьев и сестер — русские, белорусска, еврей, рабочие, интеллигенты, учащиеся — взяли в руки оружие. Они пошли на врага: защищать свой завод, свою школу, свой дом, семью, родную Москву, страну, которая выра-

стила и взлелеяла молодое сталинское племя.

Четвертого ноября прошлого года отряд направился к линии фронта, решив перейти ее в районе деревни Ченцы. Все одеты по-походному, с котомками за плечами, вооружены пистолетами, винтовками, гранатами.

— Веселые были товарищи, дружные, — вспоминает их попутчик командир тов. Клейменов.— Всю дорогу шутили. Я на них удивлялся: идут в первый раз на врага и об опасности — ни одного слова. Больше всего разговаривали, как встретят октябрьский праздник.

Перейдя линию фронта, отряд решил пробиться к логову врага — штабу фашистских войск. У Волоколамска пробирались кладбищем и натолкнулись на немецкую засаду. Фашистских автоматчиков было в десятки раз больше, но группа решила принять бой.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Перебегая от укрытия к укрытию, Кирьяков меткими выстрелами снимает вражеских автоматчиков. Один из бойцов вооружен пистолетом, оружием ближнего боя. Он смело пробирается вперед и открывает огонь по врагу.

Иссякают патроны, ранили двух комсомольцев. Тесней сжимается вражеское кольцо. Слышен гул автомобильного мотора. Это идет подкрепление к фашистским автоматчикам, не сумевшим сломить сопротивление горстки храбрецов.

Занималось утро. Все ближе враги. Раненые, собирая все силы, передвигаются от укрытия к

укрытию, продолжая вести бой. Но силы далеко не равны. Перевес на стороне врага. Автоматчики замкнули кольцо — отряд был схвачен и обезоружен.

Пленных повели в Волоколамск, в дом гражданки Полины Даниловны Зиминой. Хозяйку выгнали на улицу. Двенадцатилетняя дочь Лина забралась на печку. Приехал фашистский генерал. Шесть комсомольцев стояли возле дома на расстоянии, не позволявшем им переговариваться. Раненые, обессилевшие от потери крови, лежали на земле. Вокруг — несколько десятков немецких автоматчиков.

Первым ввели на допрос Пахомова.

— Офицеры стояли, — рассказывает Лина, — а переводчик сидел и записывал. Когда Пахомов вошел, ему сказали: сядьте. Он сел. Его спросили: фамилия? Он не сказал. Спросили: сколько лет? Он сказал: 24 года. Потом спросили: откуда? Он сказал: из Москвы. Потом все допытывались: знает ли он остальных товарищей? Он сказал: нет. А потом Пахомов ничего не стал отвечать. Он был перед ними гордый и разговаривал резко. Когда офицеры замучились его допрашивать, то они сказали: так вы ничего и не скажете? Он сказал: нет! Тогда его увели.

Вслед за Пахомовым ввели девушку.

— Она была очень смелая, — говорит Лина. — Ее спрашивают: вы кто? Она говорит: студентка. Как вас зовут? — Клава. Потом она попросила попить, ей дали. Она попила и снова села. Тогда генерал начал расспрашивать про товарищей,

про Красную Армию, про пушки, а она говорит: я ничего не знаю, и вы меня не спрашивайте. Генерал разозлился, сказал что-то солдатам и ее увели.

Ввели вторую девушку. Видимо, фашистские палачи рассчитывали, что девушки скорее заговорят, смалодушничают. Их надежды не оправдались. Лина рассказывает:

— Ее генерал спросил: у вас, наверное, мать есть? Есть, — ответила девушка.

— Вам ее не жалко? Она говорит: вы лучше себя пожалейте.

Офицер спросил ее: разве вы не боитесь смерти? Конечно, умирать не хочется, — сказала она.— Хотелось пожить, но если надо умирать за родину — умру.

Закончился допрос, из которого немцы ничего не узнали. После допроса, примерно в три часа дня, пленных повели по Солдатской улице на Солдатскую площадь. Герои шли в свой последний путь. Раненые отказались от помощи товарищей. Девушки шли, тесно обнявшись. Комсомольцы жали друг другу руки, обнимались и целовались. У них не вырвался вздох сожаления, слово о пощаде.

Отряд знал: за ними Москва, страна, многомиллионный народ-боец. Не смерть, а счастье и свободу родины, жизнь своего народа видели они сквозь муки и тяжести войны.

Пленных построили в ряд, сзади них, на расстоянии 10—15 шагов, стояли немецкие автоматчики. Офицер взмахнул рукой.

Семь человек упали. Восьмой обернулся к женщинам, детям, согнанным фашистскими убийцами на это кровавое зрелище:

— Не страдайте за нас, родные, бейте фашистов, жгите их, проклятых! Не бойтесь, надейтесь — Красная Армия еще придет!

И вслед за этими словами несколько комсомольцев приподнялись из последних сил на колени, подняли руки, и над группой безмолвных женщин и детей, над родными полями и лесами Подмосковья разнесся предсмертный клич героев:

— Да здравствует наша родина!

— Да здравствует Красная Армия!

— Смерть немецким палачам!

— Да здравствует товарищ Сталин!

Снова загремели выстрелы. Немецкие автоматчики подбежали к комсомольцам и начали расстреливать их в упор. После расстрела комсомольцев потащили к виселице.

***

Сколько великих, мужественных героев вырастила наша родина, большевистская партия, товарищ Сталин!

В дни суровых, тяжелых испытаний все лучшие качества советского человека развернулись со всей силой. Беззаветно любить свою родину, отдать все свои силы, если надо, и жизнь за свой народ — к этому зовут подвиги восьми бесстрашных.

Погибли восемь — на их место пришли тысячи.

Под Волоколамском ни днем, ни ночью не давал покоя врагу партизанский отряд учителя Тагунова. Три сотни фашистов нашли себе могилу от руки партизан. На заводе «Серп и молот», воспитавшем героев отечественной войны, десятки новых юношей и девушек вступили в ряды комсомола. Из далеких тыловых областей в ряды бойцов Красной Армии вливаются новые комсомольские отряды: лыжники, десантники, истребители танков. Вся страна — единый военный лагерь. Весь комсомол — единый боевой отряд.

Расправил свои могучие плечи народ-богатырь, и вот уже покатились на запад под ударами частей Красной Армии фашистские захватчики. Уже давно стал снова советским Волоколамск. Крепнет сила народа, крепнет нажим на врага — он отходит, огрызаясь, на запад, битый, обмороженный, чуующий свою черную смерть.

Услышь клич восьми патриотов, вся советская молодежь! Их героическая смерть зовет к непримиримой борьбе, к бесстрашию, к разгрому гитлеровских полчищ. Крепче удар по врагу! Все для фронта, все для победы! Пусть знает фашистское отребье, что пробил для него последний час! Месть беспощадная, всенародная — вот наш ответ гитлеровским убийцам-палачам.

Бессмертная слава погибшим!

Смерть немецким оккупантам!

«Правда», 31 января 1942 г.

П. ЛИДОВ

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Верея, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев. Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными, стрижеными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет»; и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девуш-

ки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой. Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цурюк!» и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса — час выводил ее на улицу на 15—20 минут. Наконец, изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь

на лавку. Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не отвечала. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу. Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают — оружие сгорело...

В 10 часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своем посту, — ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали — им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть Татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валеные сапоги исчезли — их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик,

и ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик. А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с лю-

бовью думать о далекой заснеженной могилке, и Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери.

«Правда», 27 января 1942 г.

П. ЛИДОВ

КТО БЫЛА ТАНЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомолке-партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января этого года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего имени и лишь при встрече в лесу с одним из верейских партизан сказала, что ее зовут Таней. Но и здесь из предосторожности она скрыла свое настоящее имя.

Сейчас Московским комитетом комсомола установлено, кто была эта девушка.

Это — Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7, по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко остриженными волосами — таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Мы слушаем рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаем ее дневники, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно: необычайное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить нужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу, она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей, хорошим товарищем и деятельной комсомолкой, но, кроме мира сверстников, у нее был и другой мир — мир

любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости — это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, пленивших ее своей внутренней красой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния и порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывает в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира», ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове написаны с большим чувством и глубиной и удостаиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко, она мечтает подобно им послужить святому народному делу.

Перед нами — записная книжка, которую Зоя Космодемьянская оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она заносила то, что вычитала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, они помогут нам понять Зою.

...В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли (Чехов).

Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь. (Маяковский).

Умри, но не давай поцелуя без любви (Чернышевский).

За десять французов я ни одного русского не дам (Кутузов).

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать...
Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом! (Гете).

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!» — записывает она карандашиком в свою памятную книжку. И далее: «В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло» — победа настоящего большого человеческого чувства!».

С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о тех, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа, — об Ильиче, о Сталине.

В этих записях она вся — чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытать будут?

— Выдержу...

Ее уверенность подкупила командира, он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

Семнадцатого ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало. Она решила остаться, проникнуть в Петрищево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела она две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту и одна мужественно боролась против целой своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверно, не покидали и окрыляли любимые образы героев и мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, недевичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство...

Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о родине и с именем Сталина на устах. В смертный час она славила грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и убыстряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали виселицу и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли они по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петрищево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась и могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилкой. Молва о храброй девушке-

борце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям, — пишет в редакцию «Правды» студент-историк, — много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить.

«Правда», 18 февраля 1942 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО Л. Т. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ — МАТЕРИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА З. А. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

(РАДИОПЕРЕДАЧА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ)

Дорогие товарищи!

Я хочу вам, сверстникам, друзьям, подругам моей Зои, сказать несколько слов. Я хочу попросить вас, родные, от всего материнского сердца: отомстите подлому фашистскому зверью, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!

Товарищи! Говорить о Зое мне невыносимо тяжело. Вы сами это понимаете. Ведь я потеряла самого близкого, дорогого мне человека, я выходила, вырастила ее. Пусть ни одного из вас,

когда он в будущем станет матерью или отцом, не постигнет такое страшное горе.

Но все-таки я должна сказать о Зое. Я должна сказать вам всем, всей нашей молодежи: я горжусь своей дочерью! И Зое моей — вот тут, перед вами, хочется мне сказать, хоть она и не услышит меня: горжусь тобой, моя девочка!

Товарищи! У Зои была светлая голова и горячее, чистое, мужественное сердце. У нее было сердце борца, товарищи! Мы с Зоей жили душа в душу. Мы были не только мать и дочь, а друзья. Делились своими горестями и радостями. Я знала, как Зоя относится к жизни, к родине, к комсомолу. Тепло и спокойно мне было с моей девочкой. Чуть пригорюнишься, она подойдет, заглянет в лицо, встряхнет:

— Мама, ты что? Брось, мама! Все это пройдет.

Удивительно бодрый и цельный была она человек. Я старше ее, опытнее, а она помогала мне переносить мужественно неудачи или трудности...

Товарищи! Зоя мне сказала, что уезжает на фронт. «Мама, — сказала мне Зоя, — я ухожу на фронт к партизанам. Тебе я могу об этом сказать. Ты пойми, мама, у меня нет сил стоять в стороне, когда фашисты лезут на Москву...».

Я должна признаться — у меня на глаза набежали слезы. Все это было так неожиданно для меня. И мне как-то трудно было сразу представить себе, что единственная дочка моя, молоденькая такая, уходит на войну...

Зоя заметила мое волнение и сказала — вот точно ее слова: «Ты что плачешь, мама? Не ты ли

мне говорила, что я должна быть смелой и честной?! Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись, что я ухожу на фронт. Со слезами меня провожать не надо».

И я проглотила слезы. Я взглянула на дочку, и мне даже совестно стало перед ней — такая она была радостная, приподнятая, праздничная... В этот вечер мы с Зоей особенно хорошо поговорили.

Зоя разрешила мне проводить ее до трамвайной остановки. Шла она с маленьким походным мешком. Сама я и мешок этот ей купила...

У трамвайной остановки мы попрощались. Зоя сказала мне. Вот как сейчас я слышу ее гордый и радостный голос:

— Приду героем или умру героем, ты, мама, не унывай. — И улыбнулась. Больше я ее так и не увидела.

Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит эту рану. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего своего дыхания. Зоя встретила смерть, как настоящий человек, борец, коммунист.

Товарищи! Меня радует одно: Зою никогда не забудут. В моем-то материнском сердце она будет жить, пока сердце бьется. Но она будет жить в ваших сердцах и тогда, когда меня не будет. Ее вспомнят добрым словом и ваши дети... Я ехала в трамвае в тот день, когда была напечатана в «Правде» статья «Таня». Газету я не читала, но слышу, все говорят: «Таня, Таня» и

рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась, вспомнила Зою: как там она на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, хоть бы она была так же сильна, как эта чудесная Таня.

А потом оказалось, что Таня это и есть моя Зоя...

Товарищи! Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы, душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зои! Кровавые палачи получат по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи! Но я прошу вас, как мать, потерявшая любимое дитя: отомстить скорее и за мою Зою!

Отомсти, молодежь, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

— Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!

ВЕРНАЯ ДОЧЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЛИЗА ЧАЙКИНА

В историю героической борьбы советского народа за свою честь, свободу, независимость рядом с именами бессмертного летчика Николая Гастелло, генерала-гвардейца Ивана Панфилова и его питомца политрука Днева, танкиста-гвардейца Лавриненко сегодня мы вписываем еще одно имя девушки-комсомолки Лизы Чайкиной.

Лиза работала секретарем Пеновского райкома комсомола Калининской области. Молодежь любила своего вожака за беспредельную преданность партии Ленина — Сталина, за сердечную простоту, за твердость характера, за неукротимое стремление всегда и везде делом оправдать высокое звание члена ВЛКСМ. Воспитанная на лучших традициях Ленинско-Сталинского комсомола, Лиза Чайкина всегда была с молодежью, служила для нее примером и образцом.

Началась великая отечественная война советского народа против немецких захватчиков. С первого часа этой священной войны в первых рядах до последней секунды своей жизни, до самого последнего дыхания шла наша боевая подруга. Лизу

видели на строительстве укреплений, на уборке хлеба, на собраниях всегда вместе с массами молодежи, всегда во главе масс. Ее руки не знали устали, ее глаза не знали сна, ее сердце не знало покоя. В нем всегда горела благородная внутренняя тревога за дело своей партии, своего народа. Без борьбы за родину она считала свою жизнь бесцельной и ненужной.

Пришел черный день, когда в район ворвались фашистские бандиты. Лизе предлагали уйти — будет трудно, опасно. Девушка наотрез отказалась. День и ночь работала верная патриотка в тылу немецко-фашистских войск. Вместе с ней героически действовали комсомольцы Николай Фокин, Шура Зуева, 15-летний Ваня Тихомиров. Безудержный террор, дикие расправы озверелых фашистов над жителями, угрозы и пытки гитлеровских палачей — ничто не могло остановить молодых советских патриотов.

Находясь в тылу, Лиза услышала о докладе товарища Сталина 6 ноября, а потом прочитала мужественные, полные горячей веры в свой народ, в победу над фашистскими захватчиками слова вождя. Доклад товарища Сталина вдохновил на борьбу, влил новые силы, укрепил веру в неизбежный разгром подлого, вероломного врага. Комсомолка считала своим долгом рассказать всему населению района о докладе товарища Сталина.

Лиза пошла по селам и деревням. Всюду она находила благодарных слушателей, полных ненависти к немецким оккупантам. Ее слова жгли

сердца людей. Крепче сжимались кулаки, разгоралась лютая ненависть, и люди шли на врага, били его всюду, вредили ему на каждом шагу. Взрывались на дороге машины, бесследно исчезали фашистские солдаты, загорались дома, где расположились гитлеровские офицеры, нарушалась связь. Голос агитатора звал людей на борьбу, на истребление немецких оккупантов всех до единого.

Четырнадцать селений обошла Лиза, разнося слова сталинской правды, вселяя надежду в наших людей, словно набатным колоколом поднимая их на борьбу за родную отчизну. Фашистские банды гнались за ней по пятам, но безуспешно. Народ скрывал свою героиню от врага, он готов был на все ради спасения ее жизни. Наконец фашистским палачам удалось настичь беззащитную девушку на хуторе «Красное Покатище». Жителей поселка Купоровых — старушку мать, ее дочь Марусю, сына Васю — фашисты расстреляли на месте. Дом сожгли. Лизу отправили на станцию Пено.

Гитлеровские звери пытали и мучили комсомолку, грозили ее убить, обещали даровать ей жизнь, лишь бы она сказала о своих товарищах, о партизанах. Напрасно — в лицо двуногих зверей смотрели глаза, полные ненависти и желания мстить.

— Смерть вам, проклятые! — говорил этот взгляд.

Не добившись ни одного слова от Лизы, фашисты повели ее на расстрел. Девушку поставили

у водокачки. И в ответ врагам в зимнем воздухе прозвучал ее мужественный голос: «Да здравствует мой родной Сталин! Смерть фашистским палачам!»

Раздался выстрел. Лизу ранили. И снова она подняла руку, снова над родными полями разнесся ее страстный призыв к борьбе. Раздались выстрелы. Лиза упала на обагренный кровью снег, поцеловала землю и в последние минуты своей жизни снова бросила в лицо врагу лозунг своего народа: «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует Сталин! Да здравствует победа!»

Разъяренные палачи бросились к комсомолке. Они терзали пробитое пулями тело, в котором уже угасла жизнь. Ее любовь к родине была сильнее смерти. Даже мертвая, она была грозой для фашистского зверья. Трусливые захватчики не дали жителям похоронить Лизу — они боялись взрыва ненависти, вооруженной схватки с народом.

Кончилась жизнь простой советской девушки, верной дочери своего народа. Не сгибая головы, не дрогнув, прошла она через все испытания и умерла с именем Сталина на устах, с беспредельной верой в силы своего народа, в разгром и уничтожение врага.

Товарищи Лизы Чайкиной дорого отплатили фашистским извергам за смерть любимого вожака.

На другой день в разных местах запылали девять селений в Жуковском сельсовете,

где остановились фашисты. Сотни немецких захватчиков были истреблены партизанами.

Слушай нас, молодежь всей страны! Обнажим головы, склоним боевые знамена перед прахом героини, сохраним навеки память о нашей замечательной подруге, о ее изумительном подвиге во имя родины. Лиза Чайкина бессмертна. Как не меркнет солнце, так никогда не померкнет слава верной дочери советского народа. Смерть ее зовет к мщению!

Пусть нашим ответом на подвиг советской девушки будут мощные, сокрушительные удары по врагу.

Истребим фашистских захватчиков — всех до единого!

Смерть немецким оккупантам!

«Комсомольская правда», 30 декабря 1941 г.

К. ГОРБУНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛИЗЫ ЧАЙКИНОЙ

Командир партизанского отряда говорил:

— Немцы не вечно будут в нашем Пено. Недалек день, когда их оттуда вышибут. Надо узнать, много ли там у них сил, где находится штаб. Отправляйтесь, девушки, сейчас же. Сведения доставьте завтра к вечеру. Встретимся в этой же землянке. За старшую в разведке будет Лиза. Понятно?

Та, которую командир назвал Лизой, секретарь Пеновского райкома комсомола Лиза Чайкина, заправила под белую шапочку выбившийся локон волос и ответила:

— Понятно. Не первый раз. Пошли, Маруся.

Девушки попрощались с командиром и вышли из землянки в ночь, в мороз, в снега.

— Я войду в Пено со стороны железной дороги, — говорила Лиза подруге, — а ты — через речку. А встретимся вон на той опушке.

...Встреча произошла утром там, где уславливались.

За ночь девушки сильно устали и проголодались. Маруся предложила:

— Зайдем к моей матери в поселок Красное. Позавтракаем, а потом — к своим.

Девушки не знали, что этим же утром в штаб к немцам явился бывший кулак Тимофей Колосов и сказал офицеру:

— Ночью здесь опять были партизанки Чайкина и Купорова.

Через час машина, наполненная эсесовцами, понеслась к Красному. По бокам у офицера сидели Тимофей Колосов и его сын Василий.

Дома были Марусина мать и четырнадцатилетний братишка Коля. Офицер схватил старушку за плечо:

— Где дочь?

— Не знаю.

Грянул выстрел. Когда рассеялся дым, старушка увидела, что Коля лежит на полу, раскинув руки. От головы бежала к порогу струйка крови.

— Теперь скажешь где? — потрясал фашист револьвером.

Купорова, не отрываясь, глядела на труп сына и шептала побелевшими губами:

— Палачи... Чего захотели! Чтобы мать выдавала родных детей...

***

Как только Лиза и Маруся вошли в сени, их схватили. Офицер держал револьвер у виска матери Купоровой и спрашивал Марусю:

— Где партизаны?

Мать взглянула на дочь ласково и ободряюще.

— Я не боюсь, доченька. Знай себе, молчи.

Опять выстрел. Старушка упала около сына. В ту же секунду Маруся плюнула офицеру в глаза.

— Расстрелять! — завизжал фашист.

Лизу Чайкину привезли в Пено в штаб. Через какой-нибудь час около штаба начали собираться женщины и девушки. Часовые толкали их прикладами, наставляли винтовки.

На крыльце показался офицер. Вслед за ним вывели Лизу. Со следами крови на бледном лице она стояла, выпрямившись, спокойная и твердая.

— Кто подтвердит, что она партизанка, будет награжден, — обратился гитлеровец к женщинам.

Все молчали. И вдруг от толпы отделилась Аришка Круглова. Как всегда, пьяная, опухшая, она, пошатываясь, подошла к крыльцу и указала на Лизу:

— Партизанка. Была главной комсомолкой.

Лизу вывели за линию железной дороги.

Перед залпом она подняла руку и воскликнула:

— Да здравствует Сталин!

Все это видели школьники. Они помогли родителям Лизы схоронить ее тайком от немцев.

«Правда», 7 марта 1942 г.

Н. КАВСКАЯ

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ЛИЗЫ ЧАЙКИНОЙ

Неграмотная старушка-колхозница Аксинья Прокофьевна Чайкина рассказывает о своей Лизе так бесхитростно и трогательно, как может рассказать только мать. Послушаешь ее, и, как живая, встает перед глазами полная сил, жизнерадостная девушка, вожак колхозной молодежи Лиза Чайкина. Ее короткая ясная жизнь, ее подвиг, ее героическая смерть.

Говорить о Лизе спокойно Аксинья Прокофьевна не в силах. Слишком глубока и свежа нанесенная материнскому сердцу рана. Закроет лицо морщинистыми натруженными руками, помолчит, сдержит подступившие рыдания и тихо скажет:

— Простите старую, желанные мои. Материнские слезы ничем не уймешь, льются они и льются.

— Мы сами деревенские жители, деревни Руно,

Пеновского района, — рассказывает мать Лизы.— В колхоз взошли без лукавства, с чистым сердцем. Лизанька в ту пору еще маленькая была. Бедовая была девочка, бойкая, в школе училась хорошо. Когда в возраст стала входить, гулянкой не интересовалась. Придет домой с книжкой или газеткой: давай, скажет, мамушка, почитаем. Раз, помню, прибегает в избу такая веселая:

— Я в комсомол записалась!

Ничего я ей наперекор не сказала. Твое дело, говорю, молодое, делай на свое усмотрение, а я против ничего не имею.

Наша Лиза в колхозе поработала недолго. РИК послал ее избачом в Залесье, и стала она там у комсомолов коноводом. По колхозам ходит, собрания проводит, кружки организует. Всегда у нее дела, вечно-то ей недосуг. У нее характер такой. Уж если ей какое дело задано, всю ноченьку до красной зари просидит, а сделает. И устали никакой не знала, всегда веселая, всегда с улыбкой и песней. Сама активная была и меня учила: какое бы дело в колхозе ни завелось, будь всегда впереди, мать, чтоб народ за тобой тянулся. Я так и делала.

Прошло еще время, и наша Лизанька стала работать в Пено секретарем комсомольского райкома. Бабы наши, бывало, только руками разводят:

— Что за девка у тебя, Аксинья!

И верно, какая-то она у меня особенная задалась. Приду на собрание, услышу ее голос и сама себе не верю — неужели это мой родной дитенок?

Так умно, так складно скажет, что у каждого дух подымет. Посмеешься, бывало, в кого ты у нас такая уродилась! Скажет: сама в себя. Это, мамушка, нас товарищ Сталин уму-разуму учит.

И вот началась война с проклятым германцем. Лиза наведывалась в колхоз редко. Колхозникам говорили на собрании: будьте, как бойцы на фронте, все подымайтесь на защиту родины. Фашистов ненавидела, — так зубы и сожмет.

В последний раз прибежала к нам Лизанька незадолго до немца. Он уже подступал к нашему району, все по дороге жег, убивал, грабил. Мы голову потеряли, что будем делать? Лиза научила: в деревне, говорит, нипочем не оставайтесь, уходите, старые и малые, в лес, в землянки.

Напекла я дочушке любимой лепешек на дорогу, пошла провожать. Идет Лизанька моя задумчивая и говорит:

— Может быть, в остатний раз меня, мамушка, провожаешь. Война к нашему дому подступает. Всяко может случиться. Я, наверное, в партизаны уйду.

Помолчала, а затем сказала:

— Может статься, что меня убьют враги. Так ты помни, мамушка, мой наказ. Убитая буду лежать — не подходи, виду не подавай, что я твоя дочка, иначе худо тебе будет. Коли что стрясется со мной, сильно не убивайся. Советская власть и товарищи мои тебя не оставят.

Дочушка моя родненькая! На смерть сряжалась, а обо мне заботилась.

И вот нагрянули немецкие тираны. Мы ушли из избы, в лесу хоронились от злодеев. Живем в землянке и слышим — говорит народ, будто Лизу Чайкину, комсомольского секретаря, немецкие каратели расстреляли у пеновской водокачки. Нашли тех, кто слух этот принес, спрашиваем — как одета та девушка? Говорят: юбочка черная, сапожки хромовые, тужурочка серая и красная шапочка в сторону откатившись. Так я замертво и повалилась. Тужурочку-то серую я Лизе сама в Пено за 84 рубля покупала...

После мне Лизины товарищи-комсомольцы и пеновские жители сказали, как приняла смерть дочь моя. Ушла она в партизанский отряд, воевала там храбро, своими руками одного немецкого офицера застрелила. Потом пошла по деревням проводить тайные собрания, читала колхозникам доклад товарища Сталина, говорила им — держитесь стойко, помогайте Красной Армии и партизанам, скоро наша возьмет. Тринадцать деревень прошла, а в четырнадцатой нашелся предатель, выдал ее германским карателям.

Привезли, сказывают, Лизу в Пено, поставили у водокачки. Измученная она была, но духом не пала. «Сознавайся, — орут немцы, — кто еще с тобой в партизаны ушел и как их найти?» Дали залп из ружей повыше головы, чтобы напугать, значит. Видит Лизанька — смерть приходит, а не покорилась душегубам.

Палачи эти второй раз вверх стрельнули. А моя Лиза руки подняла и звонко крикнула:

— Умираю за свое правое дело, за Сталина,

за коммунизм! Не страшусь вас, фашисты, стреляйте.

Тут на месте ее и прикончили.

Вот она какая была. Жалко мне свое родное дитя, сердце кровью обливается, но горжусь, что у меня такая дочь, что другие девушки и парни учатся теперь у Лизы, как надо бороться с врагом.

Но покуда немецкие кровопийцы хозяйствуют на нашей земле, не будет нам ни покоя, ни счастья, ни вольного дыхания. За смерть Лизы, за все горе народное проклинаю вас, немецкие изверги. Отольется вам, окаянные, каждая капля Лизиной крови.

А сыну своему, красноармейцу Степану, и другим его товарищам-бойцам говорю громко: отомстите за нашу Лизу. Сражайтесь, родные, храбро за наше правое народное дело. Не давайте пощады немецким паразитам, бейте фашистских лиходеев, гоните их с нашей земли.

«Известия», 7 марта 1942 г.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМСОМОЛЕЦ-ПАРТИЗАН АЛЕКСАНДР ЧЕКАЛИН

В золотую книгу истории великой отечественной войны сегодня вписано огненными буквами еще одно гордое имя. Рядом с народной героиней Лизой Чайкиной, рядом с восемью бессмертными мучениками Волоколамска, рядом с мужественной дочерью комсомола партизанкой Таней на пьедестал всенародной славы поднят шестнадцатилетний отважный партизан Александр Чекалин, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Большевики — народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни», — говорил незабвенный Киров. Эти слова все чаще приходят на ум в наши героические дни, когда презрение к смерти широко распространилось в массах и стало могучим двигателем победы. Презирая смерть, идя на любые жертвы во имя победы, защитники родины громят врага, вторгшегося на советскую землю. Презирая смерть, идя на любой риск, советские патриоты, оставшиеся в тылу врага, бьют фашистов, всеми силами помогая армиям, атакующим немцев с фронта.

Никакие зверства, никакие казни не в силах задушить могучее партизанское движение, которое с каждым днем становится все более и более грозным бичом фашизма. Победы Красной Армии на фронте отдаются могучим эхом по ту сторону линии огня, будят и зовут к борьбе миллионы людей. И комсомольцы, славная советская молодежь, оставшаяся в тылу врага, все выше поднимают знамя борьбы против немецких оккупантов.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР Чекалин назван Александром Павловичем. Еще вчера он был для всех, кто его знал, Шурой Чекалиным, веселым и живым подростком, который жадно учился, достиг уже девятого класса средней школы и мечтал о получении высшего образования. Но вот пришла война, она изменила весь уклад нашей жизни. Шура Чекалин быстро возмужал и стал воином. Невольно вспоминаются проникновенные слова М. И. Калинина: «Вы видите, как быстро в наше время юноши превращаются в бойцов, мужей. В мирное время на это потребовались бы годы. Для тех комсомольцев, которые на фронте, юность уже отошла, они сделались бойцами».

Да, Чекалин сделался бойцом, и бойцом незаурядным, бойцом передовым, смелым и отважным. С первых же дней войны скромный школьник из города Лихвина Тульской области записался бойцом в истребительный батальон. Он с жадностью овладевал военными знаниями. Когда же линия фронта приблизилась к его родным ме-

стам, Александр Чекалин ушел в партизанский отряд, стал смелым и отважным разведчиком.

Воплотив в себе лучшие качества сталинской молодежи, партизан Чекалин решительно и дерзко громил врага.

Однажды, когда Чекалин доставал оружие у немцев, враги его схватили. Юному партизану грозила верная смерть. Но этот смелый и ловкий юноша сумел бежать из-под ареста и вернуться в свой родной партизанский отряд.

В разгар жестоких битв с врагом Чекалин заболел. Партизаны предложили ему отправиться в родную деревню Черепецкого района Тульской области, где жила его бабушка, чтобы у нее отдохнуть и подлечиться. Чекалин наотрез отказался. Тогда руководители отряда дали ему боевое задание — произвести разведку в родной деревне, а заодно остановиться и побыть хоть несколько дней в тепле. Только тогда неукротимый комсомолец согласился отправиться в деревню.

Враги следили за юным, но смертельно опасным для них противником. И когда он пришел в свое родное село, избушку, в которой остановился Чекалин, окружил целый отряд фашистов. Они атаковали ее так, словно перед ними был целый вооруженный отряд, а не один шестнадцатилетний партизан. Чекалин, не дрогнув, принял неравный бой. Полный решимости дорого продать свою жизнь, юный партизан метнул в фашистов гранату.

Взрыва не последовало: граната отказала. Ликующие изверги схватили юного партизана.

Они мучили и пытали его, но он с молчаливым презрением игнорировал все попытки палачей вырвать у него хотя бы слово о партизанах. Фашисты погнали юного героя к виселице. До последней минуты незабвенный Александр Чекалин держался как настоящий герой. — **«Нас много, — всех не перевешаете!»** — крикнул он в последнюю минуту фашистам и запел «Интернационал».

Удавная петля захлестнула горло юного борца, не дала ему допеть победную песню. Но победа осталась за ним, — дух, воля молодого воина оказались сильнее автоматов и пулеметов презренных врагов. И хотя сейчас Александра Чекалина с нами нет, имя его, дух его живы. Он навсегда останется в памяти народной. Он и после физической смерти своей будет жить в наших сердцах, пример его жизни будет звать нас к победе.

Так снова и снова подтверждается суровый закон наших дней: **большевики сильнее смерти; герои не умирают, а живут в народе вечно; смерть на посту при защите родины — не гибель, а бессмертие.**

Советских людей не согнешь, не осилишь. Их не поставишь на колени. Сама смерть отступает в бессилии и страхе перед ними. Фашистам удалось физически умертвить Лизу Чайкину, восемь юных героев Волоколамска, Александра Чекалина. Но этим самым они только умножили силы своих противников, наши силы.

И сегодня над свежей могилой юного героя Александра Чекалина комсомол, склоняя свои боевые знамена, с волнением и гневом клянется:

— Мы никогда не забудем тебя, дорогой наш Александр Чекалин. Память о тебе будет жить вечно. Имя твое будет всегда звать нас к борьбе. Ты был совсем юным. Ты не успел узнать все радости жизни. Ты не дожил до счастливого дня победы. За все это мы сочтемся с фашистами. Мы поставим им в счет каждую каплю твоей чистой юношеской крови. Мы напомним им каждый стон, который они вырвали из твоей груди. Сотнями своих черных жизней поплатятся фашисты за одну твою жизнь. Пусть же громче гремит наш гордый и гневный клич: «Смерть немецким оккупантам!». Смерть и только смерть будет уделом презренных гитлеровских палачей.

«Комсомольская правда», 5 февраля 1942 г.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза трем партизанам — Гурьянову, Космодемьянской и Кузину. Рядом с героями фронта, закаленными в боях бойцами, командирами и политработниками, по праву становятся герои партизанской борьбы с врагом, демонстрирующие высокие образцы воинской доблести и бесстрашия: Чекалин и Чайкина, Гурьянов и Космодемьянская, — каждый из них отдал делу обороны родины весь запал юности, все силы своей богатой натуры.

Комсомол Ленина и Сталина гордится своими сынами и дочерьми, которые в эти грозные дни вновь и вновь демонстрируют, на что способно героическое племя неукротимой и отважной советской молодежи. Есть у наших героев одна черта, которая делает их подвиги как бы символом мужества нашего поколения: и Чекалин, и Чайкина, и Космодемьянская прошли исключительно тяжкий, поистине мученический путь. Они не просто погибли за родину. Нет, они прошли через ужасающие пытки и мучения. Они не сдали. Они сохранили свою комсомольскую честь и

свое комсомольское достоинство. Они и самую смерть свою превратили в призыв к борьбе: в тот момент, когда палачи накидывали им удавную петлю на шею, когда смерть глядела им в глаза, они находили в себе достаточно сил, чтобы обратиться к колхозникам, которых фашисты для устрашения сгоняли к месту казни, со словами ободрения.

Именно так поступил 16-летний комсомолец Чекалин. Именно так поступила секретарь Пеновского райкома комсомола Чайкина. Именно так поступила московская комсомолка Космодемьянская.

Зое Космодемьянской было 18 лет. Она только-только вступила на порог самостоятельной жизни. Но она прошла замечательную школу воспитания в советской семье, в советской школе, в Ленинско-Сталинском комсомоле. И когда настал грозный час войны, она без колебаний определила свой путь: победить или умереть! — этот лозунг советских патриотов она переложила на язык конкретных дел и, преодолевая все трудности, добилась зачисления в партизанский отряд.

То, что было сделано ею в партизанском отряде, уже широко известно нашей молодежи из статей, опубликованных 27 января в «Правде» и «Комсомольской правде», — не было известно лишь имя отважной партизанки: соблюдая конспирацию до конца, Зоя Космодемьянская, невзирая на страшные пытки, не выдала палачам тайны и назвалась Таней.

Под именем Тани смелая партизанка и была

похоронена в селе Петрищево Верейского района, где она сражалась с немцами, где была ими схвачена и после страшных истязаний повешена. Только после тщательного расследования удалось установить, что под именем партизанки Тани скрывалась скромная ученица 9-го класса московской школы Зоя Космодемьянская.

Золотыми буквами будут вписаны в историю комсомола полные силы и страсти слова предсмертной речи, с которой обратилась незабвенная героиня к колхозникам, согнанным немцами к месту ее казни: «Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ».

Откуда черпала юная героиня силы в эту тяжкую минуту, когда ей пришлось расставаться с жизнью?

Зоя Космодемьянская знала, на что она идет. Прощаясь с матерью, она сказала: «Или вернусь героем или умру героем». Она помнила о великой ответственности советской молодежи за судьбы своей родины, которая дала ей все — счастье и достаток, благополучие и радость, — которая распахнула перед нею настежь все двери — к учебе, к труду, к отдыху. Она верила в то, что в грозе и буре великой отечественной войны советские патриоты сумеют отстоять эти права от покушений фашистского зверя. Она знала, что в этой борьбе на плечи советских молодых людей должна лечь основная тяжесть. И она твердо решилась до конца исполнить свой долг.

Это бескорыстное служение родине, народу, эта готовность на самопожертвование во имя

общего блага, эта небывалая сила, с которой люди решаются на все во имя достижения конечной цели, — и составляют драгоценнейшую особенность молодого человека сталинской эпохи. Эти черты и делают нашего молодого человека героем. Цену героизма советских людей узнал весь мир в дни великой отечественной войны.

Зоя Космодемьянская, Чекалин, Чайкина не допускали и мысли о том, что они когда-либо и при каких-либо условиях могут стать рабами фашизма. Для них не было выбора. Воспитанные партией Ленина и Сталина как свободолюбивые патриоты, они были готовы погибнуть, но не сдаться врагу. И они прошли через все испытания с гордо поднятой головой.

Глубокая скорбь теснит наши сердца, когда мы узнаем о гибели таких замечательных людей, как Зоя Космодемьянская. Но еще сильнее чувство законной гордости нашей за этих людей, еще сильнее чувство уверенности в том, что люди эти бессмертны.

Мы не плачем над трупами павших борцов, ибо мы знаем: они погибли, но они победили. Их подвиги зовут нас в бой, как звонкий голос горна. Их имена реют над нами, как боевые знамена. В облаках порохового дыма, в тучах снежной пыли мы видим изумительно прекрасный облик молодого человека нашего времени, который мужает в грозах войны. Отрешившись от всего личного, он отдает всего себя на алтарь отечества. Отказавшись от индивидуальных выгод, он борется только за общее благо.

Можно ли сомневаться в том, что этот молодой воин выйдет победителем из смертельной схватки с чудовищем, у которого вместо сердца — камень, а вместо души — звериный инстинкт! Будем же множить замечательные традиции нашей юности. Будем везде и во всем учиться у наших молодых героев! Будем, как Чекалин! Будем, как Чайкина! Будем, как Космодемьянская!

«Комсомольская правда», 17 февраля 1942 г.

М. КОТОВ, В. ЛЯСКОВСКИЙ

БЕССМЕРТИЕ *

В степи под Ростовом, там, где скрещиваются три дороги, стоит небольшой курган, поросший у подножья густым кустарником. На самой его вершине прохожий заметит высокий каменный столб, вкопанный в землю. Это братская могила. Здесь погребены шестнадцать героев-комсомольцев, слава о которых разнеслась по всей Советской стране. Сюда приходят жители окрестных сел — старики, девушки, дети, чтобы поклониться праху богатырей.

Курган этот виден издалека, и люди с замирающим сердцем глядят на него и из уст в уста передают быль о легендарном подвиге шестнадцати героев.

Боевая семья

Их было шестнадцать. Все, как на подбор, здоровые, сильные, красивые, с горячей кровью и

* 18 февраля в «Комсомольской правде» сообщалось о героическом подвиге шестнадцати комсомольцев-артиллеристов. Теперь точно установлены имена 15 из 16 героев. Сегодня мы печатаем очерк наших военных корреспондентов, подробно рассказывающий о подвиге шестнадцати артиллеристов

благородными сердцами. Они страстно любили жизнь, ценили ее. Но их не пугала смерть. Все они были наделены недюжинной лихостью, дерзостью воинов и удивительной отвагой. Их сплотила война, сдружили бои. И в части о комсомольской артиллерийской батарее так, бывало, и говорили: «Боевая семья».

Командовал этой батареей двадцатилетний лейтенант Сергей Андреевич **Оганов**, молодой рослый армянин со смуглым лицом и выразительными глазами. Его боевая карьера началась незадолго до войны. В 1941 году Оганов окончил артиллерийское училище. Здесь же получил образование его верный друг, уроженец Смоленщины, лейтенант Василий Иванович **Пузырев** — заместитель командира.

Молодых артиллеристов взрастил комсомол, и каждый носил у сердца комсомольский билет.

Молодежь запомнит имена членов этой героической семьи артиллеристов. Вот они: старший сержант Федор Захарович **Балеста**, младший политрук Сергей Васильевич **Вавилов**, командир орудия Стефан Степанович **Лазарев**, правильный Мовсес Оганесович **Гулян**, наводчик Фазлы **Ахмедов**, ездовой **Шахвалиев**, наводчик сержант Григорий **Корсунов**, ездовой первого орудия Василий Семенович **Ткаченко**, разведчик батареи Аслан **Велиев**, наводчик сержант Денис **Бахишев**, разведчик батареи Сурен **Арутюнов**, наводчик Федор **Абраменко**, заряжающий Исмаил **Мамедов**.

Клятва на кургане

Утром Мовсесу Гуляну вручили письмо. Он быстро распечатал конверт и, взглянув на почерк, узнал руку своей жены Арек. Она писала ему из села Карачинар Шаумяновского района Азербайджанской республики: «Родной мой. Если бы ты видел, как вырос наш сын и как он похож на тебя, — твои глаза, губы, нос, вылитый папка...»

Гулян прочитал письмо, улыбнулся и, глядя на обведенную на бумаге ручонку сына, сказал другу:

— Вот Арек просит, чтобы я сыну рассказал, как мы лупим немцев. Он с ребятишками в войну играет.

Гулян достал из кармана гимнастерки карандаш и лоскут бумаги и стал торопливо писать. Но кончить ему не пришлось.

Из-за дальнего леса вышла большая группа немецких танков и с грохотом устремилась на батарею. Строгий, подтянутый Оганов быстро взвесил все и уже отдавал приказания.

Комсомольская батарея поистине была грозой для оккупантов. Командование части всегда доверяло комсомольцам оборонять самые решающие рубежи. Вот и на этот раз они должны были преградить путь танкам врага на важном участке.

Вражеские машины мчались на полной скорости. Когда они были уже неподалеку, загремел звучный голос молодого командира:

— Огонь!

Загрохотали пушки. Два танка вздрогнули и застыли на месте. Остальные машины стали пятиться назад. Вдогонку им летели снаряды. И еще четыре танка потеряли немцы.

Эта схватка была серьезным испытанием воли и мужества. Бой был жаркий. Кругом рвались снаряды врага. Роем носились над головами храбрецов осколки. Упал на землю смертельно раненный Мовсес Гулян. На выручку другу поспешил Исмаил Мамедов. Он взял на руки раненого товарища. Гулян пришел в себя, открыл глаза и тихо сказал:

— Сыну, дружище, письмо напиши — все напиши...

Он умер на руках Мамедова.

Потеряв после первой атаки шесть танков, неприятель отошел.

— Скоро вернутся, — сказал Оганов. — Будем наготове. — Он рассматривал в бинокль долину. Из соседней рощи выползали новые бронированные чудовища.

В эти напряженные минуты вдруг раздался голос Федора Балесты:

— Комсомольцы, ко мне.

Секретаря комсомольского президиума батареи любили все бойцы за смелость, прямоту и решимость. Казалось, скажи он «надо умереть», и никто бы не возразил.

— Дорогие товарищи, — громко сказал Балеста, — комсомольское собрание считаю открытым.

Он обвел всех взглядом. И его все понимали.

— Может быть, мы все погибнем сейчас, но отсюда мы не уйдем. Ведь мы комсомольцы. Враг пройдет только через наши трупы. Так дадим друг другу клятву...

И люди мужественно, крепко пожали друг другу руки. Так поклялись комсомольцы умереть, но не пропустить врага.

Родина их не забудет

Горстка людей выдержала вторую атаку немецких танков. На этот раз враг бросил на батарею 30 машин. Смельчаки открыли по ним ураганный огонь. Танки шли напролом, сильно обстреливая батарею. Из строя выбыли Фазлы Ахмедов, Ткаченко, Абраменко. Ряды героев редели. Теперь Мамедов стрелял уже из двух пушек. Он вихрем носился от орудия к орудию, наводил, заряжал и без промаха разил немецкие танки. Две машины запылали от его выстрелов. Мамедова ранило в плечо, но он оставался на боевом посту до последнего вздоха.

Спустя несколько минут началась третья атака. Тогда горсточка героев выдвинула свои орудия на открытую позицию, чтобы было удобнее разить врага.

— Скоро подойдет к нам подкрепление, — говорил Оганов боевым друзьям, — будем держаться...

Он стоял у орудия и беспрерывно посылал снаряды по врагу. Глядя на него, стойко держались и остальные. У ног Оганова разорвался вражеский снаряд. Место командира занял

Пузырев. Батарея не умолкала. Загорелись еще четыре немецких танка. А когда смертью храбрых пал Пузырев, командование принял комсомольский вожак Балеста. Он был тоже ранен, кровь заливала ему лицо.

— Снаряды... снаряды скорей подноси! — кричал он ездовому Шахвалиеву.

Но вот убиты Шахвалиев и еще несколько бойцов. У пушек остался один Балеста. Прямо на него двигался танк. Балеста подпустил машину метров на пятьдесят и дал выстрел. Танк был подбит.

Балеста бился до последней капли крови, как подобает комсомольцу-воину.

Подошла пехота. Она заняла рубеж и отогнала фашистские танки.

Шестнадцать молодых артиллеристов погибли, но не пропустили врага. Они обессмертили свои имена, и над их могилой народ говорит сегодня:

— Спите, храбрые герои. Родина и комсомол не забудут вас. Ваши славные имена будут золотом сиять в веках.

«Комсомольская правда», 11 марта 1942 г.

ЕЛЕНА КОНОНЕНКО

ОТВЕТ ШКОЛЬНИЦЕ

Почта принесла твое письмо, школьница. Письмо, которое ты написала своей матери. Вот оно:

«...Пойми, хочется даже зареветь, как ребенку, хотя мне столько же лет, сколько было Александру Чекалину, и почти столько же, сколько было «Тане» — Зое Космодемьянской. Вот потому-то мне и обидно. Пойми — они погибли с гордой головой за советскую родину в боях с фашизмом, а я и мои подружки, мы тут спокойно живем в глубоком тылу, кушаем, спим, учимся.

Нет, этого больше мы переносить не можем и не хотим. Мы так и решили, когда прочитали о ней, о чудесной Тане. Я хочу быть такой, как Таня, мама, слышишь? Как Шура Чекалин и вообще все герои. Вот они — настоящие люди, а мы что!? Или на фронт, или в партизаны, пусть даже погибнуть на эшафоте, но только не быть в стороне, когда гремят орудия и решается судьба родины.

Фашистов, конечно, мы победим, но все это будет без нас, и мы-то ничего не совершим! Подумай сама — какими глазами потом я взгляну в глаза Зоиной матери, которую я слушала по

радио. Она скажет: — Моя дочка погибла, а ты зубрила учебники. Она спросит: — Что ты сделала? А все, что мы сделали, — это так мало. Ну, вышивали кисеты, ну, делали пельмени в подарок бойцам, ну, заботимся о малышах, песенки с ними поем. Подумай сама, какими глазами ты можешь смотреть на Зоину маму! А ты еще пишешь мне — учись, учись. Да нам сейчас никакие науки в голову не лезут, а вы этого не хотите понять. Ну, хорошо, мы будем помогать на посевной, но разве это то, что делала Таня?

Довольно, мама! У нас уже тут по утрам птицы, не пуганные выстрелами, распевают так, как будто ничего не случилось, я слышать их не могу. Или ты сейчас же заберешь меня отсюда и сама, сама, вот так, как Зоина мама, соберешь мне походный мешок, или я бросаю школу, интернат и ухожу в партизаны. Уверяю тебя, я сумею их найти и быть полезной фронту, и я отплачу фашистским гадам за смерть Тани и Шуры Чекалина, которые мне теперь родные. А если со мной случится беда, то я умру, мама, как они, и это будет счастье. Люди совершают каждую минуту героические подвиги, а мы тут сидим на печке, благодарю покорно...»

Вот он — порыв юной, горячей, благородной души нашего советского отрочества, нашей свежей, зеленой поросли. Одна ли только эта душа взбунтовалась, читая в газетах, слушая по радио о самоотверженных подвигах наших фронтовиков!

Нет, взбунтовались сотни, тысячи юных сердец в первые же дни войны. Вы помните, как целые

классы несовершеннолетних школьников атаковали наши военкоматы, райкомы комсомола, требуя, чтобы их немедленно, сейчас же отправили на передовые позиции? Сейчас же под впечатлением бессмертных подвигов школьницы Зои Космодемьянской, школьника Саши Чекалина, сотен юношей, девушек, а также и тех подростков и детей, которые волею судьбы стали партизанами, эти дерзания юности стали сильнее, угрызения совести мучительнее.

Пожар, настоящий пожар бушует в отроческой душе. Как это так — там орудия гремят, там партизаны, — и среди них мои сверстники,— немецкие штабы взрывают, там машины с фашистами вверх тормашками летят, а я тут задачки решаю, сочинения пишу, историей и географией занимаюсь, лук и морковку сажаю, малым ребятам сказки читаю и песенки с ними пою. Не бывать этому!

Отрочество потеряло свой сон, отрочество бредит подвигами. Пожар, настоящий пожар. Надо ли его тушить? Нет, тушить не надо, но и проходить мимо этого бунта юной души, хоть он сам по себе и прекрасен, чарует нас, наполняет наши сердца законной гордостью, — нельзя.

Один старый железнодорожник на днях с большой гордостью рассказал о совершенно таком же «бунте» своего тринадцатилетнего внука — пионера Пети. Рассказывал дед, довольно поглаживая усы:

— Я ему, Петюшке, и то, и се в доказательство привожу, я его спрашиваю: ты мне скажи — геройство это или не геройство, когда машинист

наш Подколодников, чтобы поезд не задержать, разделся донага да в тридцатипятиградусный морозище полез в тендерный бак, в ледяную воду исправлять повреждение. Так вы знаете, что он мне, пострел, ответил? Ты-то ведь меня, дед, в тендерный бак лезть не посылаешь, ты от меня требуешь — задачки решай да гайки под снегом ищи, а это фронт, что ли?

Мы отвечаем школьнице, приславшей письмо своей матери, и Пете-пионеру, и другим их сверстникам.

Да, это — фронт, родные наши, ибо фронт не только там, где гремят выстрелы. Фронт — везде, он — вокруг тебя, он — рядом с тобой, он — под крышей твоего жилища, он — в твоем школьном классе, он — на улице, по которой ты идешь, как бы ни была тиха эта улица. Везде можно быть такими же гордыми, самоотверженными героями, какими были Чекалин и «Таня». И везде можно и надо, непременно надо, жить сейчас так, чтобы родина ощутила: ты ей отдаешь свою жизнь. И везде можно и надо, непременно надо, жить сейчас так, чтобы лютый враг наш почувствовал, что ты, вот ты, шестнадцатилетняя девочка, вот ты, тринадцатилетний парнишка, бьешь его изо всех сил по звериной башке.

Да, ты учишься. И это чудесно, что ты все-таки учишься, когда кругом полыхает зарево войны. Это великое счастье, что родина наша в очень тяжелый свой час не прекращает учить вас, детей, молодежь. Даже там, откуда только что вышибли гитлеровских бандитов, даже там,

где еще дымятся обломки сожженных фашистами школьных зданий, мы сейчас же, немедленно открываем новые школы, и вы приходите с книгами, с глобусами и садитесь за парту...

Пойми: нашей родине, ради которой ты готова умереть, нужны грамотные, образованные, знающие, умеющие превосходно работать люди. Они нужны были всегда, они нужны сейчас. И они еще нужней будут завтра.

Ты говоришь: «Поймите, невыносимо сидеть сейчас за книгами, науки в голову не лезут, когда враг посягает на мое счастье». Да, это нелегко решать сейчас теоремы и писать сочинения. А ты вот решай, ты пиши, волевая советская школьница. Гитлеру очень хочется, чтобы ты захлопнула свои учебники, а ты не закрывай их. Бей его успехами в науках, стреляй в него, в зверя тупого, своими знаниями, стреляй в него так же метко, как снайпер на фронте. Пусть школа будет твоим фронтом, пусть упорное, спокойное, кропотливое ученье в минуты, когда голова пылает и в сердце ледоход, будет твоим первым маленьким подвигом во имя родины.

«Мы будем помогать на посевной, но разве это то, что делала Таня?» — с горечью восклицаешь ты. «Гайки под снегом искать — это фронт, что ли?» — вторит тебе недовольный, жаждущий подвигов школьник Петя. Да, это все фронт. Это именно то, что делали и за что погибли «Таня» и Чекалин.

Чкаловские школьники, комсомольцы и пионеры вывозят на поля тонны золы и птичьего

помета. Честь им и хвала! Они бьют Гитлера. Золой, которая поможет собрать нам хороший урожай, они засыпают глаза ненавистных фашистов. Ученики Ольгинской средней школы, Приморского края, заготовляют верхушки клубней картофеля по способу академика Лысенко; то же самое начали делать сейчас новосибирские школьники. Честь им и хвала! Картошкой, которая нужна в изобилии нашей стране, они бьют фашистскую свору.

Рязанские школьники организовали снегозадержание. И родина говорит им такое же горячее спасибо, как тем бойцам, которые задержали наступление гитлеровских банд. Эвакуированные школьники, которые живут в Ирбитском интернате, успешно совмещают школьные занятия с трудом в своем подсобном хозяйстве, и этот труд поможет сытно кормить малышей, отцы которых воюют на фронте. Подростки Истобенской школы, Оричевского района, Кировской области, пришли в колхоз, помогли отремонтировать инвентарь, помогли приготовить к посеву семена. Старшеклассники — комсомольцы и пионеры колхоза «Завет Ильича» собрали свыше 200 запасных частей для ремонта тракторов, чинят тракторы, а потом выедут на них в поле вместо своих отцов и старших братьев.

И мы говорим им: — Слава вам, починить сейчас во-время трактор — это все равно, что починить во-время танк. Ты ведешь трактор — считай, что ты ведешь танк на врага, стар-

ший школьник. Ты копаешь землю под огород — считай, что ты копаешь могилу гитлеровцам.

Вот уж поистине настоящую помощь фронту принесут те юноши, девушки, подростки, дети, которые помогут нашему государству в эту суровую весну хорошо и во-время посеять хлеб, посадить овощи; много хлеба, много овощей.

Эту помощь родина будет расценивать так же высоко, как подвиги наших героев-фронтовиков и партизан, ибо каждый лишний пуд хлеба для нашей родины — это сейчас снаряд по врагу, каждый лишний огурец, поданный к столу бойца в госпитале или его малыша-сына в интернате, — это тоже пуля, которая больно укусит фашиста.

Ты, школьница, приславшая письмо, хочешь громить фашистов. Громи их учебой, трудом, помощью рабочим, колхозникам, заботой о малышах, которые оторваны от семьи и дышат, живут с тобой рядом. Взрывать немецкие вражеские штабы, цистерны, пускать под откос фашистские машины, истреблять саранчу кровожадную можно и живя в самом глубоком тылу, в самом тихом городке, в самой тишайшей деревушке, где по утрам, как пишешь ты, «распевают не пуганные выстрелами птицы так, словно ничего не случилось...»

Ты хочешь быть такой, как «Таня» — Зоя Космодемьянская, как Саша Чекалин. Будь такой там, где ты сейчас живешь.

«Правда», 14 марта 1942 г.